

Рецензия

УДК 882

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-121-126

Концептуализация трикстера в современном литературном процессе

Елена Ивановна Колесникова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
ekolesn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

Аннотация

Рассматривается монография Н. В. Ковтун «Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX – XXI века», где суммируются и дополняются атрибутивные признаки архетипа трикстера. Обосновывается актуальность данного типажа и его признаки как героя времени. Свою научную гипотезу автор подтверждает как эстетическими, так и социально-историческими основаниями. Проанализирован большой объем эмпирического материала. Рассмотрены герои с признаками трикстера в произведениях А. Солженицына, В. Шукшина, В. Маканина, М. Тарковского, О. Битова, Л. Улицкой, Т. Толстой. Создана мощная методологическая база для будущих исследований. Обозначена тенденция деперсонификации трикстера на современном этапе: если риторическая фигура обрела самостоятельную коммуникативную субъектность, то возникает вопрос о персонализации трикстера и самой категории героя-концепта.

Ключевые слова

Н. Ковтун, монография, трикстер, герой времени, литература XX–XXI веков

Для цитирования

Колесникова Е. И. Концептуализация трикстера в современном литературном процессе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 121–126. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-121-126

Conceptualization of Trickster in the Modern Literary Process

Elena I. Kolesnikova

Institute of Russian Literature (Pushkin Dom)
of the Russian Academy of Science
St. Petersburg, Russian Federation
ekolesn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

Abstract

The article observes the monograph of N. Kovtun “Trickster as a hero of our time. On the Material of Russian Prose of the Second Half of the 20th – 21st Century”, where the attributive signs of the trickster archetype (ambivalence, vitality, the role of a mediator, liminality, creativity, connection with the sacral) are summarized and supplemented. Each of these characteristics is convincingly substantiated on the basis of other researchers’ works. The conceptual and semantic field of tricksterism is revealed with the help of the analysis of the main motives – the path, insecurity, duality, resourcefulness, moral ambivalence, high adaptability.

The relevance of this type and its signs as a hero of time is substantiated by both aesthetic and socio-historical grounds. Modern man is under enormous pressure, therefore the researcher indicates the crisis of the main literary trends, and concludes that the vital potential of the image of a modern rogue is the most viable.

© Колесникова Е. И., рец., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 121–126
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 121–126

The author has analyzed a large amount of empirical material of the 20th – 21st centuries considering characters with signs of a trickster in the works of A. Solzhenitsyn, V. Shukshin, V. Makanin, M. Tarkovsky, O. Bitov, L. Ulitskaya, T. Tolstoy. The present stage indicates the trend of trickster depersonalization. As the rhetorical figure has acquired an independent communicative subjectivity, the question about the trickster's depersonalization and transformation into the category of a concept hero arises.

Keywords

N. Kovtun, the monograph, trickster, the Hero of times, literature of 20th – 21st centuries

For citation

Kolesnikova E. I. Conceptualization of Trickster in the Modern Literary Process. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 121–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-121-126

В 2022 г. в издательстве «Флинта» вышла монография Н. Ковтун «Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX – XXI века». Книга посвящена одной из ключевых категорий литературоведения – типологии героя, чьи поэтологические константы – портрет, характер, речевое поведение и пр. – получают сюжетно-образное наполнение в зависимости от художественного, социально-исторического контекста. Наиболее типичный герой становится героем времени. Для русской литературы он определялся спецификой национального бытия, а его выявление и художественное воплощение равно онтологической формуле эпохи.

Как героя времени второй половины XX – начала XXI в. Ковтун предложила рассмотреть образ трикстера. Свою научную гипотезу автор обосновывает как эстетическими («усталостью от “вторичной”, игровой стратегии постмодернизма»), так и социально-историческими («тем колоссальным давлением, которое испытывает современный человек») основаниями. В надломленном мире XX в. «жизнеутверждающий, витальный потенциал образа современного плута» (с. 6), по мнению исследователя, оказывается наиболее жизнеспособным.

Впервые в исследовательской литературе столь объемно представлен архетип трикстера – как в теоретическом, так и в конкретно-аналитическом плане. Прежде чем приступить к рассмотрению заявленной темы, автор во Введении дает серьезный обзор исследований и, суммируя предлагаемые учеными атрибутивные признаки трикстера, обозначает те из них, с которыми в дальнейшем предполагает работать: амбивалентность, витальность, роль медиатора, лиминарность, креативность, связь с сакральным. Каждой из перечисленных характеристик дается подробное обоснование с опорой на предшественников и выявлением множества сопутствующих коннотаций, образующих концептуально-семантическое поле трикстерства. Тем самым делается разворот к актуальной проблематике, что позволяет приступить к анализу обширного эмпирического материала (не рассматриваемого прежде в данном ключе) на новом аналитическом уровне. По ходу анализа эти признаки обретают уточняющие характеристики, что создает объемную методологическую матрицу для будущих исследований и позволяет прочерчивать линии взаимодействия внутри эволюционных процессов.

Так, в первой главе через призму трикстерства подается лагерная тема А. И. Солженицына; в парадигму мотивов, формирующих героя времени, автор включает мотивы «голового человека», двойничества, пути, мастерства. Анализ солженицынского «голового человека» как трикстера имеет важное методологическое значение, ибо дает ключ к интерпретации многих образов XX в. в целом, а не только периода, обозначенного исследователем. Так, например, леоновские «безродный окояшка» и «шутяка гороховой масти» Бурьга («Бурьга», 1922), скитник Вассиан, рассуждающий о «свободном и голом человеке», который проскачет по пустыне («Соть», 1929), «корявый» и «сокровенный человек», «дураки на периферии», «чугунный регистратор» А. Платонова по сути – герои своего времени, но в зеркале трикстерства они не рассматривались. Не случайно Платонов вывел эту типологическую проблему в заглавие одного из своих произведений: «14 красных избушек, или Герой нашего времени» (1932–1933).

Универсальность метода автора подкрепляется связью с классической традицией: «Итак, тексты классической и “новой лагерной прозы” сходятся в своем интересе к судьбе униженного, “голого человека”, поставленного в предельную ситуацию, однако трактовка образа изменяется. “Голый человек”, зэк, трагичен и смешон одновременно, но его усилиями возведена страна» (с. 68–69).

Внимание к проблеме созидания, творчества и судьбы «мастера» в условиях несвободы углубляет разговор о лагерной литературе. Тюрма (в широком смысле) как фокус перевернутого мира и профанации искусства отмечена сквозными мотивами – от А. Солженицына до Л. Улицкой. «Лагерный мир воспринимается как шутовской, вывернутый, но и мир вне колючей проволоки назван “перевернутым”, где все прежние статусы несущественны» (с. 309). Солженицынский мотив рисования картин для начальства, номеров на телогрейках и ковров по трафарету в родном колхозе Ивана Денисовича (Солженицын, 2001, с. 11, 15–16) развивается в повести Л. Улицкой «Сонечка», герой которой занимался в лагере написанием «портретов начальственных жен... копии с копий...». Неволя актуализирует «в образе художника характерные для трикстера черты лукавства» (с. 308), порождает профанацию призывания, но за счет этого он выживает.

Автор монографии вскрывает те же процессы и в книжном наследии. Анализ образов Сонечки и Бенедикта («Кысь» Т. Толстой), причастных к топосу библиотеки, убедительно демонстрирует, что сломленный под воздействием среды механизм восприятия и памяти приводит к «трикстеризации актуальной культуры».

Укрупняя масштаб темы «художник и власть», Н. Ковтун представляет отечественную словесность XX в. через мифологему юродствующих писателей, становящихся «авторами-функцией» (М. Фуко), к которым с известной долей условности исследователь относит столь непохожих друг на друга А. Белого, Н. Клюева, Д. Хармса, А. Платонова, Вен. Ерофеева, А. Синявского, Э. Лимонова и др. Другими словами, «шут... сам берется за перо в стремлении рассказать правду о пережитом не из желания сострадания или понимания, но в стремлении привлечь к себе внимание публики, обыграв статус героической личности» (с. 406). Подобным поворотом проблемы Н. Ковтун манифестирует актуальное направление, изучающее жизнетворческие стратегии, имидж и репутацию писателей.

В частности, перспективы для подобного исследования открывает проведенный автором анализ творчества А. Битова. Солидаризируясь с литературоведами, которые «произведения Битова всё чаще анализируют в качестве единого метатекста» (с. 275), Н. Ковтун в главе «Герой-странник в прозе А. Битова» через проблематику трикстера вышла на сквозную битовскую тему мастера и творчества.

Чутьем опытного исследователя и благодаря продуктивности избранной методологии Ковтун попала в нерв творческой биографии писателя, пронизывающий его наследие от раннего цикла «Дачная местность» (1963) до позднего, включая и рассмотренную повесть «Человек в пейзаже» 1987). Известен факт, что войти в большую литературу Битову помог один рациональный шаг, а по сути, фаустианская сделка с властью и собственной музой: в первом сборнике (Битов, 1963) ради прохождения в печать он согласился на жесткую подцензурную правку. В противоположность второму молодому ленинградцу Риду Грачеву (1935–2004), чей сборник вместе с битовским стоял в издательском плане, но который не пошел на уступки. Вот как об этом вспоминал сам Битов: «К 62-му слава его среди нас была безмерна, он был автором уже целого тома вполне классических сочинений. <...> Наши книги, его и моя, были включены в план “Советского писателя”. Рид, однако, настаивал на полном томе своих сочинений. Рид не уступал и предпочел развести костер из своего тома, чем выпускать неподставительную книжечку из “возможного”» (Битов, 2007, с. 436). После этого между молодыми писателями разгорелась печатная дуэль, содержание которой можно обозначить как «трикстерство и внеморальность vs норма и нравственность». В цикле «Дачная местность» кроме рассмотренной в монографии повести «Жизни в ветреную погоду» присутствуют «Записки из-за угла», куда, в свою очередь, включено «Открытое письмо писателю Р. Г. из Ле-

нинграда...», вызвавшее в 1963-м г. широкий резонанс в писательских кругах (см.: [Кораблева, 2014; Колесникова, 2022]).

Кто из спорщиков был писателем-трикстером, а кто писателем «нормализованным» (А. Платонов) – вопрос неоднозначный и тоже постоянный в отечественной литературе, требующий ответа о возможности и последствиях соприкосновения со злом. В «Открытом письме писателю Р. Г...» Битов, вопреки соглашательской житейской позиции, высказался за иррациональность, задав дискурс «чистого искусства» и заявив, что искусство выше объективности и справедливости. Известный же нонконформист, прославившийся в ленинградской писательской среде своим трансгрессивным поведением и внешностью походивший на трикстера ¹ Р. Грачев в ответном эссе «Почему искусство не спасет мир» (начало 1960-х гг.), охарактеризовал творчество, основанное на возрожденческой «радости жизни», как вненравственное. Модус высокопарной риторики Битова в сложившейся ситуации неизбежно породил карнавальную неустойчивость. Через несколько лет, в 1969-м г., ленинградский поэт Г. Горбовский опрокинет этот громкий скандал в ироническую стихию и спрогнозирует битовское будущее в его амбивалентности (что характерно, еще до окончания романа «Пушкинский Дом»): «Напишу роман огромный, многотомный дом-роман. Назову его нескромно, скажем, – “Ложь”. Или – “Обман”. Будут в нем козявки-люди драться, верить, пить вино. Будет в нем рассказ о плуте. Будет он, она, оно...» ².

Советская и российская реальность «атмосферой подтасовок и стихийного шулерства» отменяла саму идею бинарности добра и зла, размывая границы, что толкало на объяснимые компромиссы (а вот перфекционизм Рида Грачева привел к его полному забвению). Но Битов и в зрелом творчестве продолжал напряженно размышлять на эту тему, в легенде последнего индейца племени яман, сформулировав обоснование «изначальной ошибки», допущения в божественном замысле маленького человеческого искажения (Битов, 1987, с. 94–95). В любом случае, писатель всю жизнь пытался постичь предназначение искусства, о чем тонко, со всей неоднозначностью, говорится в монографии: «Пожалуй, именно А. Битов столь ярко демонстрирует меркурианство в природе художника, сближает образы трикстера и мастера, искателя тайны прекрасного...» (с. 298).

Н. Ковтун последовательно подводит к мысли, что самым аутентичным, а по сути, главным героем нынешнего времени является трикстер. Двоемыслие, провокативность, рубежность, «фига в кармане» – особенности советско-российского менталитета. Пограничность свойственна шукшинскому крестьянину, смущенному городскими удобствами и одновременно высокомерно глядящему на непрактичного горожанина. Но столь же порубежно мышление маканинского интеллектуального странника («Андеграундный персонаж В. Маканина и окрестности»), «Образ “подпольного” мира в повести “Лаз”») и «новых робинзонов» Л. Петрушевской, мечущихся между живой жизнью и напластованием цивилизационных кодов. Пограничны женщины-трикстеры, занимающие мужские гендерные ниши – воительница, перегон (бабы-богатырки В. Распутина, женщины-амазонки М. Тарковского).

Важным поворотом в монографии служит нарратологический анализ и характеристика этической и эмоциональной модальности трикстера через повествовательные стратегии автора и формируемую точку зрения читателя. Так, автор убедительно доказывает, что «шукшинская модель городского мира складывается на пересечении нескольких точек зрения: персонажей, повествователей или рассказчиков» (с. 112). А у В. Распутина «ситуация острашения вековых абсолютов складывается и на уровне авторского повествования, игровое отношение к национальным архетипам не только отражает неустойчивость бытия, но примиряет читателя с неидеальным настоящим» (с. 180).

¹ Вот как Битов описывает его: «Во внешнем его облике странно сочетались ребячливость и значительность. Посмотришь – подросток, не ходит, а прыгает, как воробей, однако с чувством собственного достоинства. На фотографиях, однако, выходил то похожим на молодого Горького, то на зрелого Достоевского» (Битов, 2007, с. 436).

² Горбовский Г. Я. Сижу на нарах (из непечатного). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/gorbovsij-gleb-yakovlevich/sizhu-na-narah-iz-nepечатного> (дата обращения 07.11.2022).

Глубокие теоретические размышления Ковтун помогают представить гетерогенную природу трикстера, обуславливающую его переходность и пограничный контур среды бытования. Трикстер может стать порождением эстетического фронта, поскольку изводом любого большого стиля является ирония, а отсюда риторический, символический, жанровый сдвиг, задающий параметры меннипеи. С точки зрения общественного функционирования трикстеры являются агентами смеховой стихии, «выполняющими трансформацию социокультурной системы...» [Шахова, 2022, с. 62]. Кроме того, монография подводит к мысли о том, что трикстер – уникальный коммуникативный инструмент, совмещающий означаемое и означающее, риторически соединяющий переходные стадии как культурные, так и социально-исторические, тем самым выполняя рефлексивную функцию, «проверяя степень их экзистенциальной пригодности, обрисовывая онтологические рамки культуры» [Скрипченко, 2017, с. 263].

В свете обозначенных проблем особенно привлекательной представляется нескрываемая позиция ученого, направленная на поиск внутренней цельности и достоинства личности – героя, писателя, читателя – того самого пушкинского «самостоянья человека в проекции Вечности и в истории» (с. 84).

Ценность монографии состоит не только в проведенном подробном анализе литературного материала, но и в поставленных вопросах, к которым подошла филологическая наука. В частности, если риторическая фигура тотального троллинга обрела самостоятельную коммуникативную субъектность, то возникает вопрос о персонализации трикстера и самой категории героя-концепта. Если было принято говорить о «безусловной ценности человека как участника подобного общения» (Н. Д. Тмарченко), то какими категориями следует оперировать сегодня? Возвращение к традиционным реалистическим методам не может в современной словесности перекрыть лавину самовоспроизводящегося троллинга и формируемых им эстетических фигур.

Исследование Н. Ковтун дает инструментарий как для получения дополнительного объема, так и для оперирования новыми явлениями культуры. Очень аутентично проблематике визуальное оформление монографии. Достоинства книги, безусловно, усилил бы именной указатель, поскольку исследования подобного уровня нуждаются в научном аппарате.

Список литературы

- Ковтун Н.** Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX – XXI века. Москва: Флинта; Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2022. 408 с.
- Колесникова Е. И.** Рид Грачев и ленинградская литературная среда 1960-х годов // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 153–164.
- Кораблева Н. В.** Ленинградский литературный код в «Записках из-за угла» А. Битова // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 13. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14658.htm> (дата обращения 12.11.2022).
- Скрипченко Д. В.** Образ трикстера в медиапространстве // Литературные события и феномены XX–XXI веков: год 2016: Материалы заочной интерактивной конф. (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН, 4–7 июля 2016 г.): В 2 кн. Санкт-Петербург; Воронеж, 2017. Кн. 2. С. 257–265.
- Шахова И. А.** Трикстеры как фактор социальной трансформации общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8. С. 62–67.

Список источников

- Горбовский Г. Я.** Сижу на нарах (из непечатного). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/gorbovskij-bleb-yakovlevich/sizhu-na-narah-iz-nepechatnogo> (дата обращения 07.11.2022).
- Битов А. Г.** Большой шар. Л.: Сов. писатель. 1963. 220 с.
- Битов А. Г.** Пятое измерение: На границе времени и пространства // Рубеж: Альманах. Владивосток, 2007. 528 с.

Битов А. Г. Человек в пейзаже // Новый мир. 1987. № 3. С. 64–99.
Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича. Москва; Ausburg, 2001. 62 с.

References

- Kolesnikova E. I.** Rid Grachev i leningradskaya literaturnaya sreda 1960-kh godov [Reed Grachev and the Leningrad Literary Environment of the 1960s]. *Filologicheskie nauki. Doklady vysshei shkoly*, 2022, no. 4, pp. 153–164. (in Russ.)
- Korableva N. V.** Leningradskii literaturnyi kod v “Zapiskakh iz-za ugla” A. Bitova [The Leningrad Literary Code in the “Notes From the Corner” by A. Bitov]. *Concept*, 2014, Special issue, no. 13. (in Russ.) URL: <http://e-koncept.ru/2014/14658.htm> (accessed 11.11.2022).
- Kovtun N.** The Trickster as a Hero of Our Time. On the Material of Russian Prose of the Second Half of the 20th – 21st Century. Moscow, Flinta Publ., Krasnoyarsk, KSPU Press, 408 p. (in Russ.)
- Skripchenko D. V.** Obraz trikstera v mediaprostranstve [Trickster Image in Media Space]. In: *Literaturnye sobytiya i fenomeny XX–XXI vekov: god 2016* [Literary Events and Phenomena of the 20th – 21st Centuries: Year 2016]. Materials of Extramural Interactive Conference (St. Petersburg, IRL RAS, July 4–7, 2016). In 2 vols. St. Petersburg; Voronezh, 2017, vol. 2, pp. 257–265. (in Russ.)
- Shakhova I. A.** Trikstery kak faktor sotsial'noi transformatsii obshchestva [Tricksters as a Factor in Society's Social Transformation]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2022, no. 8, pp. 62–67. (in Russ.)

List of Sources

- Gorbovsky G. Ya.** Sizhu na narah (iz nepechatnogo) [I'm in Prison (From an Unprinted Legacy)]. (in Russ.) URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/gorbovskij-bleb-yakovlevich/sizhu-na-narah-iz-nepechatnogo> (accessed 07.11.2022).
- Bitov A. G.** Bol'shoi shar [The Big Ball]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1963, 220 p. (in Russ.)
- Bitov A. G.** Pyatoe izmerenie: Na granitse vremeni i prostranstva [Fifth Dimension: At the Boundary of Time and Space]. In: *Rubezh. Al'manakh. Vladivostok*, 2007, 528 p. (in Russ.)
- Bitov A. G.** Chelovek v peizazhe [The Man in the Landscape]. *Novyi mir* [New World], 1987, no. 3, pp. 64–99. (in Russ.)
- Solzhenitsyn A. I.** Odin den' Ivana Denisovicha [One Day of Ivan Denisovich]. Moscow, Ausburg, 2001, 62 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Ивановна Колесникова, доктор филологических наук
 SPIN 4408-7508

Information about the Author

Elena I. Kolesnikova, Doctor of Sciences (Philology)
 SPIN 4408-7508

*Статья поступила в редакцию 13.11.2022;
 одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 14.11.2022
 The article was submitted on 13.11.2022;
 approved after reviewing on 14.11.2022; accepted for publication on 14.11.2022*